

СВЕТЛАНА САЖИНА

**«Полезьа не во многих, но в хороших
книгах»
(об автографах на страницах книг и нот)**

Профессия музыканта, а особенно музыковеда непосредственно связана с книгой. На протяжении всей жизни мы изучаем литературу различных жанров, как специальную, так и художественную, которая является важнейшим источником для понимания культуры прошедших столетий.

С раннего детства ребенка учат общению с книгой. Родители и учителя просят бережного обращения с книгами, учебниками и нотной литературой, потому что каждое издание — это драгоценность.

С возрастом книга становится для человека все более ценной и важной. Согласитесь, что когда вы открываете книгу, например, XVI века, вас сразу охватывает чувство восхищения мастерством, высокой степенью ее сохранности. И только потом вы понимаете, что для такого чистого и красивого внешнего вида потребовалась долгая и скрупулезная работа создателей, а затем реставраторов, но в первый момент мысли совершенно не об этом. А ведь когда-нибудь, возможно, наши далекие потомки будут рассматривать современные нам книги или же ноты с таким же чувством благоговения и восторга.

В нашей консерваторской библиотеке тоже есть такого рода ценные старинные издания, и большинство наиболее древних из них хранятся в отделе иностранной литературы. Конечно, не зная языка, сложно вникнуть в смысл средневековых трактатов, но подержать их в руках, посмотреть, перелистать толстые плотные страницы с широкими полями и четкими готическими буквами все же можно.

Путь книги от древности до наших дней был долгим и небезынтересным. Эволюция книги широко известна — немало литературы написано на эту тему, но мне все же хочется напомнить основные этапы зарождения и формирования книги.

История книги начинается с древнейших времен существования человечества. Знания и жизненный опыт передавались из поколения в поколение сначала в устной форме, и только значительно позже появились первые книги. Конечно же древние книги были мало похожи на современные — в плотном переплете с ровным типографским шрифтом. Самые ранние книги изготавливались на глиняных табличках, и текст был написан клинообразными знаками. Затем таблички высушивались или обжигались и укладывались в деревянный ящик — получалась глиняная клинописная книга.

В Древнем Египте материалом для изготовления книги служил папирус, который был хрупок, и поэтому папирусные ленты склеивались или сшивались в свитки. Наряду с папирусом получил распространение материал, сделанный из шкур молодых животных — пергамент. Расцвет пергаментной книги приходит с наступлением христианской эры. В Древнем Китае книги изготавливались из бамбука, а у древних славян и народов Северной Индии — из бересты.

Библиотеки, так же как и сами книги, уходят своими корнями в далекое прошлое. Самым богатым книжным собранием античности была Александрийская библиотека царей Птолемеев, заключающая в себе более 700 тысяч папирусных свитков. Помимо придворных и частных библиотек, существовали также общественные, только в Риме их насчитывалось 28.

Итак, книги были рукописными и изготавливались из самых разнообразных материалов. А в XII–XIII веках в Европу из Китая попадает бумага, поэтому к моменту возникновения книгопечатания основная масса книг уже производилась на бумажной основе. Вместе с бумагой появляется такое понятие как

филигрань, то есть «водяной знак», это стандартное, видимое на просвет изображение, которое наносилось на лист бумаги.

В XV веке в Европе произошло событие, резко изменившее весь дальнейший ход истории книги, и этим событием стало появление книгопечатания.

Конечно, до этого существовала ксилография, но она не получила такого широкого распространения во всех странах Европы. Изобретение книгопечатания связывают с именем Иоганна Гутенберга, который создал первое типографское оборудование, новый способ изготовления шрифта и словолитную форму. В результате этого события вторая половина XV века стала временем триумфального шествия книгопечатания по странам Европы.

В Россию книгопечатание пришло в эпоху царствования Ивана Грозного и связано с деятельностью типографии Ивана Федорова.

В эпоху развития книгопечатного дела поначалу издавалась в основном литература религиозного, церковного и богословского содержания. Вскоре в Европе стала появляться также научная литература, которая находила свое применение в узком кругу специалистов. Помимо этого во все времена были популярны книги развлекательного содержания.

Библиотека тоже не отставала от развития книги. В каждом из европейских государств обязательно была своя библиотека. Но, чем ближе к нашему времени, тем все бóльшую популярность приобретают частные книжные собрания. Появляется экслибрис (от латинского *ex libris* «из книг») — специальный книжный знак. Часто он ставится в виде штампа и указывает на принадлежность книги определенному владельцу. Изготовление экслибриса — это большое искусство, которое под силу только профессиональному художнику. В нашей консерваторской библиотеке находится множество книг с экслибрисом Михаила Павловича Азанчевского, что лишний раз напоминает о его роли в формировании библиотеки. Конечно, кроме экслибриса бывает и простой штамп о принадлежности книги к частному собранию какого-либо лица, но

все же наличие экслибриса свидетельствует об особом художественном вкусе владельца и особой ценности его книг.

Вновь возвращаясь к библиотеке консерватории нужно сказать, что она содержит в себе массу интересных, важных, ценных и очень редких экземпляров книг и нот. Как уже говорилось выше, самые древние образцы находятся в иностранном отделе. Это огромные фолианты или же миниатюрные книжечки в красивых тисненых кожаных переплетах, отреставрированные и готовые многое сообщить читателю.

Множество интереснейших изданий хранится в недрах нотного отдела библиотеки Консерватории. Этот отдел сначала поражает посетителя площадью помещения, им занимаемого. Но то, что мы видим, входя в него — масса нот в огромных дубовых шкафах — лишь малая толика всего, что скрывается в дальних комнатах, недоступных для простых студентов. Между прочим, именно эти дубовые шкафы являются постоянным местопребыванием для нот и книг с момента основания библиотеки Консерватории. Фонд нотного отдела создавался различными путями: издания приобретались, приносились в дар, после 1917 года ноты поступали из реквизируемых дворцовых имуществ, а также покупались в магазинах, издательствах и у частных лиц. Есть в нотном отделе прижизненные и факсимильные издания («Картинки с выставки» М.П. Мусоргского, «Страсти по Матфею» И.С. Баха), и еще великое множество совершенно разнообразных нот, которые составляют богатство библиотеки.

Особую ценность приобретают книги или же ноты с какими-либо пометками, надписями, автографами. Когда мы читаем например чью-то дарственную надпись, сразу представляется колорит эпохи, характер отношений между людьми — между тем, кто дарит, и адресатом. Дарственная надпись может говорить о чувстве признательности по отношению к более старшему коллеге. Такого рода надпись содержится в партитуре Первой симфонии А.К. Глазунова:

«Дорогому учителю моему Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову в знак глубокого уважения и благодарности. Автор».

Кроме того, именно эта симфония посвящена Н.А. Римскому-Корсакову, что еще более подчеркивает роль, которую он сыграл в творческом пути А.К. Глазунова.

И вообще, книга с надписью приобретает какой-то более личный характер, это уже не просто издание определенного года и века, а издание, принадлежавшее кому-то. Наличие же в нотах пометок говорит о том, что по ним играли, ими пользовались, они участвовали в чьей-то жизни. Так как такого рода книги и ноты представляют особую ценность, они хранятся в рукописном отделе библиотеки консерватории.

Никакие слова не заменят живого общения с рукописями великих авторов. В этом небольшом, даже тесном помещении хранится все самое интересное и увлекательное, но к сожалению скрытое от любопытных глаз. Основная масса нот с автографами находится именно там. Это партитуры и клавиры, отдельные оркестровые партии, ноты фортепианных, инструментальных и вокальных произведений. Свои надписи в нотах делали как русские, так и зарубежные композиторы, и материалом для них служили самые разнообразные произведения.

В нашей библиотеке находятся автографы великих музыкантов XIX–XX веков. Самый ранний автограф относится в 1845 году и принадлежит композитору и скрипачу Алексею Федоровичу Львову. На клавире своей оперы «Бьянка и Гвальтьеро» он оставил следующую надпись: «Любезнейшему Владимиру Петровичу Опочинину от А. Львова. 9 апреля 1845 г.»

Это один из самых ценных автографов, которые содержатся в рукописном отделе.

Примечательно большое количество записей, сделанных рукой Николая Андреевича Римского-Корсакова, имя которого носит наша консерватория. Всего около 30 экземпляров нот и книг, как пишет в своей статье А.В. Грушевая, содержит в себе записи, сделанные композитором. В основном, это дарственные надписи

певице Надежде Ивановне Забеле-Врубель на изданиях нот и романсов. Например, в клавире оперы «Млада» Николай Андреевич пишет: «Хочу, чтобы у дорогой Надежды Ивановны были все мои оперы, а потому прошу принять от меня и эту».

Кроме дарственных надписей встречаются также надписи другого рода. В клавире увертюры «Светлый праздник» (Беляев, Лейпциг 1890 г.) Римский-Корсаков написал: «Памяти Мусоргского и Бородина». За 9 лет до этого скончался Модест Петрович Мусоргский, после его смерти многие его произведения остались неоконченными и ждали своего завершения и доработки. А 6 лет спустя умер Александр Порфирьевич Бородин, после кончины которого Николай Андреевич вместе с Александром Константиновичем Глазуновым по памяти и по черновикам восстанавливали и дописывали «Князя Игоря». Эти печальные события потрясли Римского-Корсакова, результатом чего явилась такого рода надпись на нотах увертюры.

В партитуре своей увертюры «Тамара» Милий Алексеевич Балакирев оставил весьма интересную запись: «Дорогому сотруднику Александру Константиновичу Глазунову от преданного ему душевно М. Балакирева. 12 сент. 1884 г. СПб». Эта запись свидетельствует о почтительных и теплых отношениях между двумя великими людьми прошлого века.

«Дорогим сотоварищам В. Ральтеру, В. Берггольцу, А. Юнгу, Ф. Беру на память от уважающего автора сего квартета А. Глазунова. 1904 г. СПб», — так написал Александр Константинович Глазунов на партитуре Славянского квартета.

Особую прелесть этой дарственной надписи придает ее выполнение: в небольшой по формату партитуре, на титульном листе, между типографскими строчками, помещаются слова, написанные мелким бисерным почерком Александра Константиновича.

Множество нот, находящихся в рукописном отделе консерватории, содержат дарственные надписи, адресованные Антону Григорьевичу Рубинштейну, например Сергей Иванович

Танеев в нотах кантаты «Иоанн Дамаскин» пишет: «Глубокоуважаемому Антону Григорьевичу Рубинштейну. С. Танеев. 28 июля 188...г.» Сергей Иванович Танеев — замечательный русский композитор, пианист и педагог в это время преподавал в Московской консерватории, но это не мешало ему участвовать в культурной жизни Петербурга.

Эдуард Францевич Направник в нотах своей «Баркаролы» для фортепиано написал «Глубокоуважаемому Карлу Карловичу Фан-Арку, профессору С-Пбг Консерватории на добрую память. Э. Направник».

Эдуард Францевич был главным дирижером Мариинского театра с 1869 года. Под его руководством прошли премьеры таких опер, как «Снегурочка», «Майская ночь», «Псковитянка» — Н.А. Римского-Корсакова; «Опричник», «Орлеанская дева», «Пиковая дама» — П.И. Чайковского. Помимо работы в театре Э.Ф. Направник также руководил и дирижировал симфоническими концертами Русского Музыкального Общества с 1869 по 1881 год.

Адресат дарственной надписи — Карл Карлович Фан-Арк — профессор Петербургской консерватории по классу специального фортепиано. Его педагогическая деятельность в консерватории началась со дня ее основания и продолжалась в течение 40 лет. Ученик Федора Осиповича Лешетицкого, замечательный пианист и педагог, К.К. Фан-Арк был предан консерватории всю свою жизнь.

Среди его учеников — Николай Николаевич Черепнин. Ему адресован другой автограф: «Дорогому Николаю Николаевичу Черепнину от его друга А. Лядова. 14го сент. 1913 г.» Эта надпись сделана Анатолием Константиновичем Лядовым на нотах симфонической картины «Из Апокалипсиса». Вместе с Н.Н. Черепниным они работали в консерватории и сохраняли дружеские отношения вне ее стен. Вместе они бывали в Беляевском кружке, и оба закончили консерваторию в классе Н.А. Римского-Корсакова. Н.Н. Черепнин был дирижером Мариинского театра после Э.Ф. Направника, затем «Русского балета» в Париже, и там же стал одним из основателей Русской консерватории.

Помимо автографов русских композиторов в библиотеке консерватории есть также записи, сделанные рукой зарубежных авторов, например: Камилла Сен-Санса — на нотах Сюиты для виолончели Эдуарда Лало — в сюите из балета «Намуна», Сезара Франка — в партитуре Квинтета — и других композиторов.

Безусловно, моим скромным рассказом о нотах с автографами, находящихся в библиотеке консерватории, эта тема далеко не исчерпана. Каждый автограф ждет своего исследователя-графолога, или музыковеда, или любого другого увлеченного и творческого человека, который сможет изучить все особенности начертания и, самое главное, смысл каждой записи, сделанной рукой одного из великих композиторов нашего недавнего прошлого.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. *Грушевая А.* «Автографы русских музыкантов на нотах, книгах и фотографиях, хранящихся в отделе рукописей Петербургской консерватории» // сборник «Петербургский музыкальный архив» выпуск 1, СПб, «Канон», 1997.
2. Музыкальная энциклопедия. М., «Советская энциклопедия», 1973.
3. История книги. Под ред. А.А. Говорова, Т.Г. Куприяновой. М., «Светоч», 2001.
4. Большой энциклопедический словарь. Музыка. М., «Большая Российская Энциклопедия», 1998.